

V. Machekas (mir. 1965 m.) ir šiuo metu Prahos universiteto profesorius P. Trostas.

Janas Petras straipsnyje „L. Geitlerio kelionė į Lietuvą ir jos rezultatai“ (p. 65–80) smulkiai aprašo 1873 m. L. Geitlerio mokslinę komandiruotę į Lietuvą, kurios metu jis susipažino su lietuvių tarmėmis ir susitiko su M. Valančiumi, K. Jauniumi, A. Baranausku bei kt.

Straipsnyje „Baltų veiksmožodžio skaičiaus kategorija“ (p. 81–85) Pavelas Trostas, remdamasis tuo, kad indoeuropiečių III asmenyje buvo skiriama vienaskaita ir daugiskaita, linkęs manyti, kad taip buvę ir baltų prokalbėje, taigi baltų veiksmožodis vis dėlto, kaip manyta ir anksčiau, yra praradęs III asmens daugiskaitos formą. Tik J. Endzelyno aiškinimas, kodėl taip atsitikę, Trostui atrodo nepakankamas.

Didžiausias rinkinio straipsnis skirtas tautosakai – tai Karelo Horaleko darbas „Dėl slavų ir lietuvių tautosakos santykių“ (p. 87–117), kuriame pažymima, kad „Lietuvių ir slavų tautosakos santykių tyrinėjimas dar tik pradamas“.

Radegartas Parolekas savo straipsnį „Lietuvių kilmės, prancūzų kalbos ...“ (p. 119–124) skiria šimtosioms poeto O. V. Milašiaus gimimo metinėms. Autorius mano, kad poeto „kraujo ryšys su Lietuva ir jos tautosaka paliko gilių pėdsakų ir jo originaliuose kūrinuose“.

Prie visų straipsnių duodamos santraukos lietuvių, taip pat dar kuria nors kita – anglų, vokiečių arba rusų – kalba.

Knygoje yra įkliaja su seniausiu žinomu Vilniaus paveikslu ir Prahos pilies bei miesto bendroju vaizdu.

J. Kabelka

Чекман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. — Минск: Наука и техника, 1979. — 216 с.

Книга известного слависта Валерия Николаевича Чекмана „Исследования по

исторической фонетике праславянского языка“ завершает многолетние изыскания автора в области славянской диахронической фонологии. Она, кроме теоретической части, посвященной типологическим проблемам лингвистической реконструкции и диахронических объяснительных моделей (с. 8–43), состоит из трех глав, в которых рассмотрены все основные процессы славянской фонологии, обычно связываемые с законом открытых слогов и так называемым групповым сингармонизмом: праславянские палатации и йотация (с. 44–120), становление и распад тенденции к открытому слогу (с. 120–175), эволюция еров (с. 175–213). Во вступлении (с. 3–7) кратко изложены главные тезисы, подвергающиеся подробному рассмотрению в основных главах. Это в значительной степени облегчает читателю восприятие весьма сложного содержания книги и богатого типологического материала, а также дает возможность автору сократить заключительную главу до двух страниц (с. 214–215), содержащих лишь блестяще сформулированные общетеоретические выводы.

Для балтистов исключительно ценна первая часть книги – „Теоретические проблемы реконструкции“, в которой автор убедительно показал, что любая диахроническая гипотеза обязательно должна верифицироваться на тщательно проверенном типологическом материале. Основной принцип, которым обязаны руководствоваться диахронисты, стремящиеся не только к логической стройности, но и к убедительности своих теоретических построений, в книге формулируется так: „восстанавливаемые праформы должны обладать теми же свойствами, которыми обладают живые или хорошо засвидетельствованные (документированные) мертвые языки“ (с. 15). Из этого общего принципа типологического правдоподобия выводятся дру-

гие важные методологические требования. Не вдаваясь в подробности, мы хотели бы обратить внимание на глубоко обоснованные утверждения о том, что диахронические исследования, которые корректировались на типологическом материале, всегда бывают надежнее исследований, не подвергавшихся указанной проверке (с. 25), что имеет смысл восстанавливать лишь такие звенья диахронического процесса, которые наблюдаются в живых языках (с. 32), что реконструкции фонетических явлений не могут быть надежнее наших познаний в области фонетики живых языков (с. 35—36) и т. д.

Многое из того, что говорится в первой части, нельзя считать абсолютно новым: сам В. Н. Чекман доказал, что даже классическая компаративистика *implicite* руководствовалась некоторыми весьма сильными типологическими допущениями, не говоря уже о Р. О. Якобсоне, который сформулировал принцип типологического правдоподобия в явном и императивном виде. Но только в рецензируемой работе (если не считать других публикаций автора) из этого принципа выведены конкретные и практические следствия и на них построена целая программа диахронических исследований. В дальнейшем В. Н. Чекман с непреклонной последовательностью придерживается этой программы. Во всех главах сначала для каждого исследуемого явления строится динамическая модель: определяются типологические поля (типологически возможные изменения исходных звукотипов), типологические древа (типологические возможные промежуточные этапы диахронических процессов с учетом ареальных сведений), сопоставляются различные фонологические состояния, в которых отмечены соответствующие изменения; потом в свете данной типологической модели оцениваются существующие диахронические интерпретации и предлагаются новые.

При таком подходе особую силу приобретает критика различных объяснительных конструкций, построенных лишь с учетом логики и некоторых умозрительных постулатов диахронической фонологии. Можно с уверенностью утверждать, что В. Н. Чекману удалось убедительно доказать несостоятельность большинства объяснений, в основе которых лежит гипотеза о тенденции к групповому (слоговому) сингармонизму: в свете приведенных в книге типологических фактов эта гипотеза оказалась всего лишь стройным описанием, а не объяснением общеславянской фонологической системы.

Весьма интересны и конкретные положительные решения и гипотезы автора, но подробный их анализ относится к компетенции специалистов по славянскому языкознанию.

В главах, посвященных конкретным вопросам славянской исторической фонетики, внимания балтистов, несомненно, заслуживает исследование палатации и йотации, а также и сопутствующих им других явлений, поскольку сходные процессы характерны и для балтийских языков. В латышском языке наблюдаются почти те же случаи палатации и депалатации, как и в славянских языках, — вплоть до палатальной сонантной эпентезы в сочетаниях типа **Pj*; в западнолитовских говорах по сей день существует состояние группового сингармонизма (кстати, не ведущее к вытеснению закрытых слогов¹); во многих

¹ Правда, раньше мы с А. Пупкисом полагали, что неконечные фонетические (не фонологические!) слоги литовского языка являются открытыми (за исключением тех, которые закрываются сонантами). К этому мнению нас склоняли наблюдения над детскими жаргонами, в конспиративных целях деформирующими слова посредством прибавления и инфигирования бессмысленных слогов. В этих жаргонах инлаутные консонантные сочетания целиком относятся

говорах известны различные палатации и депалатации сочетаний $*t_i$, $*d_i$, депалатализации и веляризации согласных, всевозможные изменения вокализма, связанные с этими процессами (веляризации и девеляризации, преломления типа $e \rightarrow \acute{o}$, $e \rightarrow \acute{a}$ и др.); даже в прусском языке существует рефлекс палатации $\acute{s} < *s_i$ (напр., *schuwikis* Е 496 'сапожник'). Многие из того, что сказано в книге об этих процессах, *mutatis mutandis*, относится и к балтийским диалектам².

Во-первых, после исследований В. Н. Чекмана можно с уверенностью утверждать, что в прабалтийском (и даже „пралитовском“³) языке не существовало тембровой корреляции (противопоставления палатализованных и непалатализо-

ся к следующему слогу, напр.: *ver-pi-ver-ktas* = *piktas* 'злой', *ver-lā-ver-ksto* = *lāksto* 'бегает', *ver-āl-ver-ksnis* = *ālksnis* 'ольха'. Но эти факты вряд ли имеют доказательную силу: скорее всего они свидетельствуют только о том, что дети обычно предпочитают слоговое деление с открытыми слогами независимо от слогораздела, свойственного речи взрослых (см. Касевич В. Б. Слог в общем и дальневосточном языкознании. — В кн.: Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л., 1981, с. 144).

² Об этом писал и сам В. Н. Чекман (см. его статью „О йотации в праславянском и балтийских языках“. — *Baltistica*, 1975, t. 11(1), с. 63 и сл.).

³ Мы взяли этот термин в кавычки потому, что такого языкового состояния, по-видимому, не существовало. Скорее всего, восточнобалтийская (возможно, и вообще балтийская) языковая общность распалась на непрерывные изоглосные зоны, из которых впоследствии путем конвергенции и концентрации образовались латышские и литовские (resp. прусские) языковые области. (Подробнее наша точка зрения по данному вопросу будет изложена в другом месте.)

ванных [веляризованных] согласных), так как эта корреляция невозможна при отсутствии позиционной палатализации; об отсутствии этой корреляции свидетельствуют литовские аффрикаты, восходящие к $*t_i$, $*d_i$, и многочисленные случаи депалатации в латышском языке.

Во-вторых, характер палатаций и палатализаций в балтийских диалектах явно свидетельствует о том, что они представляют собой результаты глайдовой, а не ассимилятивной йотации. На полугласные глайды $*j$, $*u$ (во многих окружениях давшие современные спирантизированные j , u) указывают и многочисленные протезы (см. ниже), а также дзукская аффрикация сочетаний *tuj̃*, *duj̃* ($> cvj̃$, $dzvj̃$), которая могла произойти только в том случае, если в этих сочетаниях произносился передний аллофон полугласного u — что-то вроде ju [ç]. Следовательно, реконструкции типа лит. \acute{c}' , $d\acute{z}'$ < балт. $*tj$, $*dj$ и т. д. (к сожалению, встречающиеся даже в новейших исследованиях по исторической фонетике балтийских языков⁴), нельзя считать вполне корректными.

В-третьих, значительный интерес для балтистов представляют богатые типологические материалы, относящиеся к проблемам палатации и йотации. В. Н. Чекман как бы выполнил всю предварительную работу, необходимую для более глубокого и современного исследования соответствующих явлений балтийских языков, включая даже такие окказионализмы, как *bliūrti* = *bjūrti* 'ухудшаться (о погоде и др.)', которые, возможно, представляют собой остатки исчезнувших литовских диалектов, обладавших регулярными $*pl'$, $*bl'$ < $*p_i$, $*b_i$. Некоторые из этих типологических наблюдений и выводов уже оказали значительное влияние на некоторые работы по диахронической фонологии литовских говоров (см.

⁴ См., напр.: Zinkevičius Z. *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*. — V., 1980, t. 1, p. 133, 134—135 et passim.

Baltistica, 1979, t. 15(1), p. 23 и сл.; 1980, t. 16(2), p. 32 и сл.).

Внимание литовских фонологов и диалектологов, несомненно, привлекут страницы, посвященные судьбе славянских еров. Сам В. Н. Чекман заметил, что звукотипы, близкие к славянским *ъ, ь* эпохи их падения, существуют в паневежских говорах литовского языка — они отличаются от славянских еров лишь тем, что встречаются только в последнем слоге слова. В остальном эти звуки характеризуются разительным фонотактическим и диахроническим сходством. Это позволяет объяснить развитие паневежских редуцированных гласных посредством тех же типологических схем, которыми пользуется автор рецензируемой книги. Более того, В. Н. Чекман косвенно доказал (см. с. 203—205) даже то, что факультативную нулевую реализацию паневежских редуцированных нельзя считать отсутствием фонемы, поскольку сходные явления встречаются во многих языках — и повсюду они интерпретируются как реализации самостоятельных неустойчивых фонем⁴. Кроме того, книга наводит на мысль о том, что как в славянских языках, так и в балтийских диалектах должна существовать некоторая связь между преломлениями типа *e* → *'o*, *ě* → *'a* и редукцией кратких гласных (ср. паневежские *màt̃* [≈ *m̃at̃*] < *metù* 'бросаю', *vòšt̃* 'курица' < *věšt̃* < *vištà* и соответствующие славянские явления). В северолитовских говорах эти изменения во многих случаях выполняют роль своеобразной внутренней флексии, компенсирующей окончания, ослабленные редукцией, — вполне возможно, что сходными функциональными мо-

⁴ Внутренние доказательства реальности редуцированной фонемы /ə/ в северных паневежских говорах см. Kačiuškienė G. Šiaurės panevėžiškių murmatųjū balsių fonetinės ypatybės, distribucija ir fonologinė interpretacija. — Kalbotyra, 1982, t. 33(1).

тивами можно объяснять и славянские преломления.

Многие литовские диалекты (особенно южные и восточные) сближают со славянскими и протезы типа *j*-, *v*- (в некоторых крайне восточных островных говорах — и *γ*-). Обычно они объясняются так же, как и в традиционной славистике, т. е. как результат механического заполнения межсловесных зияний. Но В. Н. Чекман доказал, что такое „простое“ объяснение не выдерживает критики даже в отношении к славянским языкам, несмотря на то, что зияния в их текстах были обычным явлением: оказалось, что в большинстве языков славянского фонотактического типа склонность к протезам отсутствует. Следовательно, теперь вопрос о генезисе литовских протез можно считать совершенно открытым — тем более, что в литовских говорах межсловесные зияния встречаются лишь как редкое исключение; традиционному объяснению литовских протез противоречит и их сосуществование с ослаблением и исчезновением *j*, *v* (*i*, *u*) во внутренних интервокальных позициях тех же говоров⁶.

В. Н. Чекман предложил убедительную исходную модель для объяснения протетических согласных, связывая их „проявление“ с фонетической реализацией прототипов *j*, *v*. Но, как нам кажется, это объяснение можно еще усилить, опираясь на блестящую мысль самого автора о развитом внешнем сандхи как об одном из важнейших факторов становления общеславянской фонотактики с ее тенденцией к открытым слогам.

Как показали наши наблюдения над литовскими говорами, характеризующимися систематическими протезами, в речевых цепях этих диалектов сочетания типа ...*C#jV*... нередко (в речи типа *allegro* — почти регулярно) реализуются как ...*C'V*..., — иначе говоря, в этих говорах дейст-

⁶ На это наше внимание обратил доцент В. Лабутис.

вует факультативное правило ...C#jV... →<...C'V...> (ср.: *iš jō* →<*išō*> 'из него, от него', *pas juos* →<*pašuos*> 'у них, к ним', *kat jau n'ri* →<*kaťau n'ri*> 'если уж хочешь'). Это неизбежно влечет за собой колебания типа #jV... ⇌ #V..., которые во многих говорах снимаются посредством обобщения более сильных вариантов слов с *j*-. Появление же протетического *v*- (<*v*-) (кстати, менее регулярного и распространенного, чем *j*-<*i*-) можно объяснять как своеобразное коррелятивное заполнение „пустой клетки“ возникшей в связи с появлением протетического *j*-, или же как результат сходного процесса: ...C#jV... →<...C°V...>.

Имея это в виду, а также и правило внешнего сандхи древнеиндийского языка, превращающее *-ī*, *-ī* в *j*-, *v*- перед начальным гласным следующего слова (ср. *upari upari* → *uparyupari* 'очень высоко', *madhu api* → *madhvapi* 'мед также'), можно думать, что славянские протезы появились прежде всего как результат сандхиальных нейтрализаций типа ...Cī#V... →<...CjV...> ←<...Cī#jV... и ...Cū#V... →<...CvV...> ←<...Cū#jV... Эти нейтрализации неизбежно породили колебания типа #jV... ⇌ #V..., #vV... ⇌ #V... с последующим обобщением более сильных и (в

условиях тенденции к открытым слогам) более удобных вариантов с согласным анлаутом. С другой стороны, этим же объясняются и отдельные случаи исчезновения исконных **i*-, **v*-.

Этими заключительными рассуждениями о возможных истоках балтийских и славянских протез мы хотели показать, какой стимулирующей силой обладают даже не до конца отработанные рассуждения и гипотезы остроумного и изобретательного автора „Исследований по исторической фонетике праславянского языка“. Мы не вполне согласны и с некоторыми другими ее предположениями и установками; напр., нас несколько настораживает пристрастие к субстратным и адстратным объяснениям (возможно, только потому, что ими так злоупотребляла литовская историческая диалектология) и общее отрицательное отношение к систематическим (т. е. неатомистическим) реконструкциям современной диахронической славянской фонологии. Но это вполне понятно и объяснимо в книге, основной целью которой является строгая проверка общепринятых гипотез, обладающих большим престижем: некоторые перегибы и даже поспешные решения в таких случаях неизбежны.

А. Гирденис